

В «японских Альпах»

Е. ОКСЮКЕВИЧ

А СЕВЕРО-ЗАПАД от Токио, в самом центре острова Хонсю, раскинулась горная страна — «японские Альпы». Ее часто называют также «крышей Японии». Действительно, если не считать стоящую особняком гору Фудзи, здесь сосредоточены все самые высокие вершины страны. Высота некоторых из них превышает три тысячи метров.

«Японские Альпы» — это Мекка туристов и альпинистов Японии... Но не буду забегать вперед, расскажу все по порядку.

Наше путешествие в «японские Альпы» началось с покупки газет. Было уже 11 часов ночи, и мы никак не могли понять, для чего нашим спутникам понадобились устаревшие утренние газеты. Все стало ясно после того, как поезд тронулся...

По одежде пассажиров, плотным рубашкам и нейлоновым штормовкам, по тяжелым туристским и альпинистским ботинкам, альпийским шляпам, на которых в память о былых походах и восхождениях приколоты значки, нетрудно было догадаться, что почти все обитатели вагона, как и мы, направлялись в горы, чтобы провести там кто конец недели, кто несколько дней отпуска. В основном это молодежь — студенты, служащие фирм, продавцы универмагов. Народ простой, не избалованный удобствами. Положив на полки рюкзаки, они застелили пол вагона газетами и улеглись спать... Конечно, спать на полу жестко, но все же куда удобнее, чем сидя на узких и коротких диванчиках.

Утром, когда еще не рассеялись предрассветные сумерки,

наш поезд прибыл в город Мацумото. Мацумото, город с населением, превышающим 150 тысяч человек, является воротами в «японские Альпы». Это крупный торгово-промышленный центр префектуры Нагано. Здесь развита пищевая, текстильная и машиностроительная промышленность. Линии железных дорог связывают город с Токио, Осака, Нагоя и побережьем Японского моря. Вдоль железнодорожных линий много исходных пунктов для начала подъема в горы.

В Мацумото пересадка. С веселым гулом молодежь высыпает из вагонов. Вскинув на плечи тяжелые рюкзаки, парни направляются к стоящему на соседнем пути составу. Девушки не спешат. Стайки их крутятся возле установленных на платформе зеркал и умывальников. Одна поправляет прическу, другая красит губы, третья подводит брови. Даже в походе японки ни на минуту не забывают о своем внешнем виде, не расстаются с косметикой. Об одежде и говорить не приходится. Это культ. Одеты все просто, дешево, но красиво и со вкусом. Приходится удивляться тому, что после ночи, проведенной на полу вагона, все девушки одеты в чистые кофточки, хорошо отглаженные брюки...

От Мацумото наш путь лежит на север. За окном на горизонте синюют волнистые очертания гор. Это хребет Хида. Пронесутся небольшие города и поселки. В эти утренние часы, лишенные света реклам, они стоят тихие, серенькие, похожие один на другой. Тихо колышется зеленое море рисовых полей. Куда ни посмотришь, всюду рис.

Поля подходят вплотную к жилым домам, электростанциям, бензозаправочным колонкам. Не видно ни одного заброшенного, неухоженного кусочка земли.

Поля маленькие, да и форма их порой самая причудливая. Смотришь на долину, и кажется, что перед тобой гигантское одеяло из зеленых лоскутков, простроченное темными нитками боров, посаженных по границам полей. Рис стоит ровный, дружный. Он еще не созрел, но тяжелые метелки уже гнутся к земле. Поля говорят о тщательном и тяжелом труде японских крестьян, говорят о том, каким путем получают они из года в год высокие, устойчивые урожаи, полностью обеспечивая стомилионное население страны собственным рисом. Вот уже 11 лет подряд в Японии собирают более 14 миллионов тонн риса в год. Но труд крестьянина настолько тяжел и неблагодарен, что с каждым годом все больше сельских жителей покидают деревни. Особенно это относится к девушкам, чьи молодые руки пользуются большим спросом на предприятиях электронной и радиотехнической промышленности.

За последнее время уход девушек в города превратился в острую национальную проблему, которая рассматривалась на состоявшемся в августе прошлого года Всеяпонском съезде матерей. Девушки уходят в город, чтобы найти там работу и мужа. А как быть тем молодым крестьянским парням, которые по японской традиции наследуют землю и должны оставаться в деревне, как им найти жену, как создать семью?

В полях видны какие-то фигуры. Поначалу я принял их за работающих крестьян. Однако присмотревшись, понял, что ошибся. Оказалось, что это всего лишь искусно сделанные чучела, поставленные для того, чтобы отпугивать птиц. Для этой цели используются не только чучела. Над зеленью полей полочутся на ветру яркие разноцветные ленты. Они укреплены на шестах по две-три, связаны пучками, протянуты вдоль и поперек полей. Все зависит от вкуса и фантазии хозяина. Некоторые укрепили на шестах целые полиэтиленовые полотнища.

Станция Арияке. 6 часов утра. Приехавших встречают представитель альпинистской ассоциации и хозяин небольшого рестораника, расположенного по сосед-

ству. Первый предлагает каждому уходящему в горы заполнить специальную учетную карточку, второй приглашает в ресторанчик поесть перед дорогой, взять с собой в поход «бенто» — так называется в Японии завтрак в небольшой коробочке, состоящий из риса, маринованных овощей, кусочков рыбы или курицы.

Но вот заполнены карточки, куплено «бенто». Тоненькая стройная девушка приглашает нас занять места в автобусе. В Японии в автобусах, особенно на туристских линиях, помимо водителя, имеется еще и стюардесса. Это не гид, это скорее помощник водителя. Вот и сейчас она помогает ему уложить в передней части автобуса рюкзаки пассажиров, смотрит, все ли заняли места, не замешкался ли кто в соседнем магазине. Убедившись, что все в порядке, она говорит, или, точнее будет сказать, тихонько поет: «Оо рай». Так произносят здесь давно вошедшее в японский язык английское «ол райт» — «все в порядке».

Водитель закрывает двери, выжимает сцепление и одновременно надевает форменную фуражку: теперь он при исполнении служебных обязанностей и, несмотря на жару, должен быть одет по всей форме. Правда, форма и состоит всего лишь из этой фуражки...

Поселок Арияке — это три-четыре десятка домов, вытянувшихся по обе стороны шоссе, идущего параллельно железнодорожной линии. Возле станции он похож на небольшой провинциальный городок: магазины, ресторанчики, кинотеатр. Едва же мы отехали от станции, он стал походить на село. Домики небольшие, в основном фабричного производства. Серые легкие стены, металлические рамы окон. Окна подчас во всю стену. Они не открываются, а раздвигаются в стороны. Вокруг домов небольшие огороды: кукуруза, фасоль, помидоры, огурцы. Под окнами пышные купы золотых шаров и высокие яркие мальвы. Это напоминает украинские села, только вот крыши домов сделаны из синей глазурованной черепицы, да плети огурцов здесь не стелются по земле, а поднимаются вверх по поставленным шалашиком рамкам.

Миновав неширокую долину, наш мощный автобус как-то сразу оказывается в узком горном ущелье. Дорога серпантином виляет по крутому склону,

«Японские Альпы» зимой — великолепное место для лыжного спорта.

поросшему буком и грабом. Попадают березы, рябины, крп-томерии и японская ель «моми». Дорога узкая. Часто, чтобы разъехаться, встречная машина вынуждена подавать несколько десятков метров назад и вплотную прижиматься к склону горы. В этом случае на особенно крутых поворотах наша стюардесса открывает дверь и внимательно следит, чтобы колеса не сошли с дороги, чтобы автобус не задел

встречную машину. Но вот машины разъехались, водители отсалютовали друг другу звуковыми сигналами, и снова тяжелая машина медленно ползет все выше и выше. Внизу под обрывом ревет покрытый клочьями пены горный поток. Это река Адзуса. Ее басовитый голос далеко разносится по ущелью.

За два часа горной дороги погода успела резко измениться. Сначала облака закрыли солнце,

затем начал накрапывать дождь... К тому времени, когда дорога кончилась и нам надо было покидать автобус, он уже разошелся не на шутку. Но в Японии дожди — столь частое явление, что к ним привыкли, как к чему-то неизбежному. Вот и сейчас, укрывшись под деревьями, туристы достают из рюкзаков водонепроницаемую одежду: куртки и брюки, ярко-желтые накидки, плащ-палатки и даже зонтики...

Нам не пришлось расспрашивать о дороге. Рядом с автобусной станцией, там, где начинается тропа, установлен большой щит. На нем показано не только направление пути, но и время, необходимое для того, чтобы добраться до промежуточной базы и горной хижины, где мы планировали переночевать. Между прочим, в Японии на туристских картах показывают не расстояние между пунктами, а время. При этом учитывается нормальная скорость движения туристской группы.

Гонимые усилившимся дождем, устремляемся вверх. Тропа хоть и крутая, идти легко: она хорошо утоптана, там, где надо, укреплена. Навстречу то и дело попадаются возвращающиеся домой туристы. Каждый говорит нам: «Коннитива!» — «Здравствуйте!». «Коннитива!» — отвечаем мы. На тропе устроены скамейки. Через каждые 40—50 минут ходьбы можете посидеть, отдохнуть, поесть. На высоте около двух тысяч метров — большая промежуточная база. Здесь можно не только отдохнуть, но даже купить простой, но горячий обед: суп, рис, лапшу...

Чем ближе вершина, тем ниже становятся деревья, выше трава... Начинается зона альпийских лугов. Тропа выводит нас к седловине, где находится горная хижина «Ласточкино гнездо». Слово «хижина» трудно применимо к двум большим, добротным зданиям, построенным под прикрытием надежной скальной стены.

Хижина была как нельзя более кстати. Честно говоря, мы изрядно промокли. Хотелось переодеться, просушить вещи. Сняв ботинки (даже здесь, в горах, японцы соблюдают этот свой обычай), входим в дом. Перед нами огромная комната, разделенная пополам узким проходом. По обе стороны его в два яруса тянутся прямоугольные ячейки. Площадь каждой из них около шести квадратных

метров. Одна ячейка — это ночлег для шести человек. Всего же хижины может приютить около 500 туристов. Естественно, никакой мебели здесь нет. Нет ни белоснежных простынь, ни наволочек, всего того комфорта, которым славятся японские отели. Есть лишь покрытый циновками настил да шесть ватных одеял, по два одеяла на двоих: одно стелют на пол, вторым укрываются. Рядом, в небольшой пристройке, шумят примуса, горят спиртовки. На них туристы готовят себе ужин.

Побросав на пол рюкзаки, положив ботинки, которые каждый, сняв у входа, несет в руках, в специально сделанные для этого под настилом железные корыта, знакомимся с нашим соседом по «комнате»: «Цунео Сасаки», — представился нам молодой человек лет двадцати пяти.

Пока мы переодевались, Цунео сбегал за кипятком. Через несколько минут мы уже сидели вокруг расстеленной на полу клеенки, пили чай, закусывали. Сам собой завязался разговор. Мы интересовались, часто ли наш новый знакомый ходит в такие походы и почему он один.

«В этом году только раз», — ответил Цунео Сасаки. А почему один? Нет времени. «Ведь для того, чтобы иметь друзей, девушку, тоже нужно время», — горько усмехнулся он. Цунео рассказал, что работает он в известной фирме фото- и киноаппаратуры «Каннон». Зарабатывает сравнительно неплохо: 32 тысячи иен в месяц. Восемь тысяч иен платит за комнату, четыре тысячи — за учебу. Он учится по вечерам на экономическом факультете университета. Приходится нелегко. Работа и учеба забирают все силы и все время. Даже в кино сходить некогда. За год был всего два-три раза. «Я очень люблю природу, люблю побыть с ней наедине», — говорит Цунео. — Но опять же время... А такую поездку, как эта, я не могу себе часто позволить и по финансовым соображениям. Она обойдется мне не менее чем в пять тысяч иен».

Было еще совсем темно, когда в проходе начали двигаться огоньки электрических фонариков. За окном гудел ветер, но дождь прошел. Все торопились. Одни собирались в дальний путь, на вершину Яригатаке. До нее надо идти семь часов. Мы избрали более легкий вариант: решили подняться на Цубакуро.

Ее высота всего 2763 метра. В чистом утреннем воздухе она кажется совсем рядом.

Однажды в Киото, у летней резиденции самурайского рода Кацура, я обратил внимание на небольшой засыпанный мелким белым гравием дворик. Заботливые руки аккуратно разровняли гравий, ни ямки. И среди этих белых камешков были положены большие живописные камни. Кому пришла в голову эта интересная идея? И вот здесь, у вершины Цубакуро, я неожиданно получил ответ на свой вопрос...

Перед нами раскинулось одно из чудес природы: маленький дворик из сада виллы Кацура, увеличенный до грандиозных размеров, еще более поэтичный и еще более прекрасный...

Тропа к вершине идет по самому гребню хребта. Слева северный склон, насколько хватает глаз, сплошь засыпан мелкими белыми камешками, образовавшимися от выветривания скал. Среди этих белых, сверкающих на солнце полей величественно поднимаются живописные скалы. Они самой причудливой формы. Вот пучок огромных орлиных перьев... Каменный дельфин... Чудовище, похожее на носорога...

То тут, то там видны зеленые островки стелющихся сосен. Цепкие низкие деревья, высотой всего в 20—25 сантиметров, словно языки пламени, ползут в направлении гребня.

Казалось, ветер выдул отсюда все, кроме камня и этих сосен. Но нет. Подойдя ближе, мы увидели, что ошиблись. На полях белого гравия видны были удивительно нежные бледно-розовые цветы, по форме напоминающие «разбитое сердце». В Японии их называют «комагуса». Этот цветок — символ стойкости и мужества. Он растет только на каменных осыпях и только на северных склонах, где свирепствует холодный горный ветер.

Мы фотографировали цветы и скалы, любовались широкой панорамой, открывающейся с вершины Цубакуро. Внизу по ущельям, словно отары овец, бродили белые облака. Вокруг нас было удивительное царство гор.

Но все имеет конец. Кончилась и эта горная сказка. Через несколько часов мы снова сидели в душном, переполненном вагоне электрички, которая увозила нас в такой же душный и переполненный Токио.